

Роберт БАЛАКШИН

Роберт Александрович БАЛАКШИН родился в 1944 году. Окончил строительный техникум. Служил в армии, работал в Обществе охраны памятников истории и культуры, был землекопом, бетонщиком, каменщиком, дворником. Автор нескольких книг прозы. В «Севере» печатается с 1974 года. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

ТРОИЦЫ ЧИСТЫЙ ДОМ

ЗАЧИН

Последний поворот знакомой улочки, обрывает аллея невысоких, одевшихся майской листвою лип, и взгляду предстает лавра. Расплавленным солнечным золотом торжественно сверкает центральная глава Успенского собора, и тонко-прозрачное соборное пятикрестье красиво вырисовывается на фоне глубокого ясного неба. С ним перекликается высоко поднятая глава Сергиевского храма, нарядного, как расписной узорный терем. И между ними возносится к небу вся в сквозных, голубеющих арочных проемах стройная, стремительная колокольня. Воздух напоен праздничным майским солнцем, проникнут ароматами и звуками весны. Недалек праздник Троицы приходится на весну, на солнечные, лучезарные дни, когда вокруг все наполнено светом. И эта радость весенней, бушующей жизни дополняется для тебя радостью встречи с лаврой, по которой соскучился, стосковался за долгие месяцы разлуки.

В первый миг встречи лавра уже в который раз видится одним совокупным зданием, именно — ДОМОМ, в котором корпус братских келий переходит в храм, волна закомар перетекает в скатную кровлю, белый оплот стен прорастает золочеными главами храмов.

Да и были же на Руси в древности такие поместительные дома, хоромы, где жилые покои соединялись галереями-гульбищами с дозорными башнями, с домовою церковью и хозяйственными службами, общим жильем для хозяев и гостей.

Но взмахом крыла проносится, исчезает обаяние первого мгновения встречи, и видишь, что здания, конечно, не слиты воедино: из-за белой со щелями бойниц стены выглядывает подсолнухово-желтый фасад Варваринского корпуса келий, сбоку колокольни притулился зеленый шатер Каличьей башни, а за Сергиевым храмом укромно золотится дорогой куполок Троицкого собора.

В сердце не смолкают звучные строки акафиста: «Радуйся, душ наших радование! Радуйся, всея Рос-

сии увеселение! Радуйся, восшедший на гору добродетелей Божественных!» — а нетерпеливый взгляд, все существо твое уже там, у Святых врат, куда ручейком втекает череда папомников.

Святые врата не переменяли своего изначального места за 650 лет бытия лавры. Здесь они были, когда монастырь ограждала первая, еще деревянная стена, которую сменила в урочное время каменная твердыня. Холодок благоговейного волнения пронизывает душу, когда только подумаешь о тех людях, что прошли здесь, по этой неширокой полоске земли. Этим путем покидал свою обитель и возвращался в нее из многотрудных хождений по Руси преподобный Сергий; под монашеское пение: «Спаси, Господи, люди Твоя», — с иноками Пересветом и Ослябей тут проезжал благоверный князь Димитрий. Отсюда увозили окруженного стражей плененного великого князя Василия Васильевича (впоследствии Темного). Увенчанный победой вступал в монастырь по завершении Казанского похода молодой царь Иван IV. Этими вратами несли в обитель честные мощи святителя Филиппа, переносимые из Соловков в Москву, а через тридцать с небольшим лет здесь же пелись панихиды над гробом усопшего патриарха Никона. В эти ворота, спасаясь от мятежных стрельцов, в одной рубахе, верхом прискакал царь Петр. Эти врата видели победителя Наполеона благочестивого императора Александра I и императора Николая Павловича, на целый век отодвинувшего революционную бурю от России. Колокола лавры приветствовали у входа в обитель царя-освободителя Александра II и царя-мученика Николая II с его семейством. Все святейшие патриархи Российские от смиренного первоначальника Иова до исповедника Тихона, до приснопамятных Алексия и Пимена молились у драгоценной раки. Смирненно склонив головы, под этим сводом с изображением Пресвятой Троицы прошли устроитель лавры митрополит Платон и ученейший митрополит Макарий (Булгаков), митрополит Московский Фила-

рет и священномученик Вениамин (Казанский), врачеватель душевных и телесных ран владыка Лука (Войно-Ясенецкий) и митрополит Николай (Ярушевич). Шли здесь и М. Лермонтов и Н. Гоголь, братья Аксаковы и Киреевские, К. Леонтьев и С. Булгаков, М. Нестеров и В. Суриков, И. Шмелев и М. Пришвин, братья Васнецовы и Н. Кондаков, шли воины и крестьяне, священники и гимназисты, дворяне и купцы, мещане и учителя, мастеровые и актеры, писатели и художники, ученые и инженеры, генералы и профессора, шли великие и неизвестные, знаменитые и убогие. Вся Россия прошла тут,

этим путем. Прошла с радостью и горем, с просьбой и благодарностью, с необманутыми надеждами и упованиями.

И сегодня Святые врата так же приветливо распахнуты для всех, как сто, как полтысячи лет назад. И сегодня идут в них паломники. Послужим за ними и мы.

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной.¹

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ

*Придите вси вернии, церковь Божию
пестями венчаем и в ней прославим
в Троице певаемого Христа Бога нашего.*

Служба прп. Сергию.
Стихиры на литии.

День Святой Троицы (пятидесятница), обретение мощей преподобного Сергия (5/18 июля) и день памяти его преставления (25 сентября / 8 октября) — три главных праздника лавры, в которые стекается сюда наибольшее число паломников. Именно в эти дни совершали свои богомольные походы и поездки русские православные цари и патриархи.

Нельзя говорить, что ты бывал в лавре, знаешь ее, если ты не посетил ее в эти дни, если сердце твоё не пережило чувства народной любви к патриарху, если ты не молился вместе с тысячами твоих собратьев-христиан на молебне в лаврском дворе у обелиска, когда вся широкая площадь запружена народом, когда так звонко поют семинаристы: «Преподобне отче наш Сергие, моли Бога о нас!», когда патриарх читает молитву и над толпой подымается и опускается благословляющий ее крест...

В проходном дворике между надвратной Красной башней и церковью Иоанна Предтечи людно — здесь собрались монахи для встречи святейшего патриарха. Посреди дворика над гранитной, так похожей на московскую бутрасчатке поставлен орлец — круглый, травного, лугового цветка ковер, принадлежность архиерейского служения. Перед ними стоит старец-архимандрит. Фигура отца архимандрита полна сдержанного достоинства и покоя. Белые сухие руки старца держат серебряный поднос, где на зеленом платке лежит большой наперстный крест. А за спиной, чуть поодаль, выстроились в две неровные шеренги лицом друг к другу монахи. Тут же, в сторонке, миряне: девушки в платочках, юноша с фотоаппаратом, дети, а у книжного киоска возится со своей заплочной котомкой, что-то старательно уминая в нее, старуха в зимнем, изношенном, темно-бордовом пальто. Ее никто не гонит, никто не говорит, чтоб завернула она куда-нибудь за угол, а то сейчас такой человек придет, а она тут со своей котомкой, в этом старом, неопрятном пальто. Нет, ничего подобного старухе не говорят, на нее не обращают внимания, и она так же естественна, уместна и нужна здесь, как и все остальные.

Монахи волнуются, все чаще поглядывают в сторону ворот, но что-то радостное сквозит, порхает в

репликах, улыбках и взглядах, которыми обмениваются они.

Обычно монахов видишь порознь, поодиночке, а здесь их собралось непривычно много, и, глядя на их воинское построение (хоть и стоят они не по росту), на их длинные одежды, так похожие на походные плащи, вспоминаешь слова акафистов, канонов, апостольских посланий о духовной брани, о кресте как об оружии, о броне веры и праведности, о мече духовном. «Радуйся, воине Христос, непобедимый являвшийся» (Акафист, Икос 8).

У Святых врат коротко, басовито гуднула машина. Во дворике наступила чуткая тишина, и даже как будто чем-то повело в воздухе. Повело и скрылось. Словно тихий ангел пролетел. За вратами прозвенели переличатые колокольчики. Взгляды всех устремлены в одном направлении, и все даже как будто стали выше ростом, хотя посмотришь: нет, никто не тянется на цыпочки. Старуха в пальто забыла о своей котомке, опустив трудовые, перевитые венами руки, замерла в ожидании.

И вот под аркой появляется тот, кого все так ждут. Лицо его покамест как бы притушено тенью свода, отчетливо выделяется только шлемовидный белоснежный куколь.

Размеренный, неспешный шаг, в руке зажат посох с точеной малахитовой рукоятью.

Святейший патриарх выходит из-под свода на солнечный свет, на куколке искрится вспыхивает золотой крест, и пока первосвященник шествует те несколько шагов, что отделяют его от архимандрита, длится удивительное мгновение глубокого, ничем не возмутимого покоя. Всё молчит — монахи, народ в сводчатом переходе под Предтеченским храмом, шум машин за монастырской стеной, лишь в небесной синеве с обжигающим слух провизгом, громко ликуя о чем-то, проносятся юркие стрижи.

Воздев очи горе (там на стене роспись: явление Божией Матери преподобному Сергию), святейший патриарх поднимает с подноса крест, цепуя его, с расстановкой, на три стороны благословляет встречающих.

— Исполпа эти дэ-э-э-эспота! — возглашают здравцу монахи.

Недолгая заминка, и кто-то распевно начинает:

— Иже добродетелей подви-и-ижник, — этот голос поглощается хором, и под общее, на подьеме пение тропаря преподобному процессия движется в лавру.

Из-под сводчатого перехода, украшенного сценами из жизни преподобного, на большой лаврский двор выходят первые монахи, затем иподиаконы с патриаршим крестом и свечой. Незаметный в замкнутом дворике ветерок жадно набрасывается на огонек свечи. Прозрачно-золотистое пламя сгибается было под его натиском, ложится набок, но сразу выпрямляется, и стекловидно-текущая струйка горячего воздуха снова колеблется и вьется над ним. Ветерок напускается сильнее и, кажется, срывает лепесток огня, виден только сиротливо обнажившийся черный штрих фитиля. Ан нет, жив огонек, по-прежнему узеньким копьем тянется к небу.

— ...тем же и вселился в тя Пресвяты-ый Дух, Его же действием светло украшен еси, — уже повторно поют монахи, и мимо кладбища Святодуховской церкви, мимо Успенского собора, в живом коридоре поющего, крестящегося и кланяющегося патриарху народа шествие приближается к Троицкому собору.

А в воздухе торжествуют колокола. Густой тягучий гуд с подзвоном льется сверху на народ, течет потоками среди ветвей деревьев и, окатив всех своей радостью, уходит из лавры, стелется над городом, над окрестными полями, над Вифанией и Гесиманским скитом, над подсобным хозяйством лавры... Как много всего слышится в нем! И радость о встрече дорогого священноархимандрита обители, и восторг наступающего праздника, и хвала святому угоднику.

На крыльце Троицкого собора патриарх поднимает руки для благословения (колокола смолкают), обводит множество народа патриаршим, отеческим, вселюбящим взглядом, благословляет и уходит в собор приложиться к святым мощам.

Народ расходится. Кто отдохнуть на скамеечку, кто в иконную лавку, кто попить воды из креста. Но люди расходятся ненадолго. Ведь святейший в монастыре — значит, скоро начнутся службы. Сперва акафист, а после небольшого перерыва и всенощное бдение. Ведь паломник приехал сюда молиться. Ему скучны и уютны бесцельные хождения по лавре. Он приезжает в монастырь не глазеть по сторонам, не время убить, а трудиться в молитвах.

Вечереет. Солнце палит по-прежнему, но в знойном воздухе подчас протянется слабо повевающая струя прохлады — предвещница близкого вечера. Над лаврой все так же чертят небо неугомонные стрижи, алеют тюльпаны за кладбищенской оградой, под сенью у водоточного креста толпится народ.

На колокольне раздается тяжкий одиночный удар. Продолжительная пауза. Следующий удар, третий, и начинается равномерный, неотступно-настойчивый звон. То благовест ко всенощной.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонят ко всенощной,
К молитве благостной.

И звон смиряющий
Всем в душу просится

Окрест сзывающий
В полях разносится.

И стар, и млад войдет;
Сперва помолится,
Поклон земной кладет,
Кругом поклонится...²

Под Троицу в Успенском соборе лавры (как, впрочем, и в любом храме Православной Церкви в этот день) много зелени. Словно уголок весенней рошчи переселился сюда — березовые ветви у решетки солей и клироса, у киотов икон и в руках молящихся. Душистый аромат ладана смешивается с легким запахом нежной, еще не заглубившей под летним солнцем листвы. А мерцающие среди переплетения ветвей огоньки свеч и лампад создают не только особенное, умягчающее душу настроение, но и напоминают о тех былых временах, когда вся природа, вся Земля была храмом Божиим, когда Господь «вся премудростию сотворил еси», как поется в предначальном псалме, открывающем вечерню.

Каждый род церковной службы имеет свою поэзию. Это знает и чувствует верующий человек. Вечерня с ее приглушенным, не полным светом свечей и паникади, с ее пением «Блажен муж» и «Господи, воззвах к Тебе...» вся проникнута грустью, раскаянием об утраченном рае. Но вот рассветным лучом врывается в нее «Свете тихий», и зарницей грядущего, уже близкого спасения звучит в конце ее «Богородице Дево...».

В Успенском соборе у правого клироса молятся не занятые на службе монахи, семинаристы в черных кителях, слепой старик, опирающийся на руку молодого человека, два мальчика лет шести-семи. Сзади за барьером, как шум моря, дыхание собора.

Пропел псалом, отзывала Великая ектения. Канонарх возглашает одну за другой стихиры. На клиросах попеременно то вспыхивает, то гаснет свет, и, вторя канонарху, поочередно перепеваются друг с другом хоры.

Между молящихся у клироса с большим блюдом, скорее похожим на таз (в лавре вообще все большое — толстые, в массивных стаканах подсвечников свечи, крупные просфоры, протяжные службы), ходит осанистый пожилой мужчина с расчесанной на стороны, как у генерала Скобелева, бородой и кипами раздает из таза поминальные записки. Написанные на листках из школьных тетрадей в клеточку и в линейку, на узких полосках шероховатой оберточной бумаги, а то и на неровных клочках, они заполнены столбцами имен.

На правом клиросе гремит:

— ...видем радующеся в Церковь Бога нашего, в чудотворную раку преподобного Сергия обьимем радостно...

А ты читаешь: За здравие Никиты, Николая, Ксении, Людмилы, Софии, Максимилиана, Анны, мл. (читаешь: младенца) Елены, забл. (заблудшего) Александра...

Левый клирос взывает:

— Приидите священных собори, и православных исполнение...

А ты читаешь: За упокой патр. Пимена, Александра, Марии, Валерия, Ивана, Нины...

Записки читаешь до конца. Разве можно пропустить хоть одно имя, схалтурить? Конечно, никто не

узнает, все ли ты прочел, а не порхнул только по верхушкам. Но кого ж ты обманешь? В полном смысле самого себя. Ведь кто-то рядом, быть может, даже твой сосед читает твои записки. Нет более скрытого от всех и более честного занятия, чем молитва. Молитва каждого за всех и всех за каждого.

Попутно замечаешь комичные ошибки: Атерина вместо Екатерины, Полагая, Амбросий. Бывает, и усмехнешься какому-нибудь нелепому выкрутасу стариковской малограмотности, но сразу осенишь себя крестом: стыдно смеяться над этим.

Мужчина со скобелевской бородой вручает очередную кипу записок, а ты, пробега глазами уже не первую сотню имен, вдруг ошеломлен догадкой: перед тобой не простые бумажки, а листы из Книги жизни. Если б ты был чист душой, совершенен, как заповедовал Господь, за каждым именем открывалась бы тебе человеческая судьба. А пока ты только мимоходом скользишь по ним взглядом, как в закрытые двери.

Канонарх бросает ввысь:

— Честна пред Господом смерть преподобных Его.

А тебе как огнем плеснуло в глаза: в записке за упокой пять имен кряду: в. (воин) Иоанн, в. Иоанн, в. Иоанн, в. Иоанн, в. Иоанн.

Читает канонарх, поют клиросы, возносятся молитвы к Престолу Творца, а ты стоишь внизу, и горькие слезы застилают глаза. Где-то покоятся эти пять Иванов, где-то сложили они свои русые головы? На злосчастных полях гражданской войны, в зимней карельской тайге, в приволжских сталинградских степях, в предместьях Берлина, или где-нибудь совсем недавно в чужом, каменистом Афганистане. Кто же ты, стоящая здесь в соборе старая женщина, корявыми, шаткими буквами составившая этот горемычный скорбный перечень? Кто ты — дочь, сестра, жена, мать, бабушка? Как жила ты, как сумела вынести эту кручину и боль? Вынести, вытерпеть, не сойти с ума, не спиться, не сунуться в петлю, а молиться Богу и жить.

Вечерня тем временем идет своим ходом. Спеть «Господь воцарися», вычитаны паримии, служится лития.

На всенощном бдении под Троицу есть один мо-

мент, волнующая глубина которого понятна только верующему человеку. Люди ждут пения молитвы — «Царю Небесный». Согласно церковному уставу всю Пятидесятницу она не читалась и не пелась в храмах. Это ограничение обусловлено литургической связью Троицы с Пасхой, с Вознесением Господа и Его обещанием послать апостолам Святого Духа Утешителя. Ожидание верующими разрешения петь ее наглядно показывает, что в православном народе вера сбереглась во всей своей евангельской цельности и чистоте. Тот же огонь, который пылал в сердцах апостолов, горит поныне в православных сердцах. Ведь ожидание народом пения молитвы — прямой отголосок того чувства, с каким апостолы ждали в сионской горнице исполнения обетований.

Долгожданный миг настал. Диакон, выйдя к народу, повелительно простирает над молящимися руку. Дуновением ветра летится по собору вздох приготовившихся петь людей.

— Царю Небесный! — взмахнув рукой, посылает желанные слова диакон.

— Душе Истины, — единым тысячным хором вступает собор. — Иже везде-э-э Сый, и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю...

Пение молитвы исполнено такой вдохновенной, всеобъемлющей силы, что не слышно отдельных голосов, все сливается в один нераздельный, могучий, торжествующе-победный, захлестывающий весь собор, вихревой народный призыв. Он обнимает тебя, полностью растворяет в себе, как будто приподнимает над полом, да, кажется, и весь собор, покоряясь этому рвущемуся ввысь молитвенному напору, медленно отделяется от земли. И тебе тайно мечтается, что сегодня наша истинно единоклубная молитва была слышна Творцу.

За вечерней на всенощном бдении закономерно следует утренняя, на светоносном полиелее читается Евангелие, совершается елеопомозание, поется канон, Великое славословие и вот почти четырехчасовое всенощное бдение приближается к концу.

Эти четыре часа лавра представляла собой один молящийся храм. Люди, съехавшиеся на праздник из разных городов и деревень России, соединились на всеобщей, соборной молитве.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ИГО ХРИСТОВО

Мужески в пустыню вселился еси, и чада послушания в ней, плоды ширения возрастил еси.

Тропарь обретению мощей
прп. Сергия

Цель жизни христианина — спасение души. Когда душа человеческая предстает на Судилище Христово, на ней нет никаких следов от того, как в земной жизни была она прославлена и возвеличена людьми, «ибо, что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16. 15). Но ясно видно Господу, насколько душа чиста от греха, просвещена молитвами и добрыми делами. Сообразно с этим получает она в загробном мире наказание или награду.

Чтобы избежать мирских соблазнов, приводящих ко греху, естественно стремление скрыться от них и спастись душу в уединении. Поэтому первые христи-

анские подвижники поселялись в безлюдных египетских пустынях, отшельничали. Так было положено начало монашеству. Но уже в то время появился другой род иноческой жизни. Подвижники собирались в одну общину, монастырь. Кельи монахов строились в ряд или два, в виде улицы, «лавры» (погречески). Так возникло название лавры. Значительно позднее это наименование стало присваиваться наиболее крупным, особо знаменитым монастырям. На Руси их было четыре (по времени возникновения): Успенская Киево-Печерская, Свято-Троицкая Сергиева, Успенская Почаевская и Александрово-Нев-

ская в Петербурге. Также позднее слово «лавра» стали связывать не с улицей (в образном смысле — дорогой к Богу), а с вечнозеленым благовонным деревом лавром, что тоже имеет свой особый духовный смысл.

Монахи — воины Христовы, и как воин дает присягу служить честно, беспорочно и храбро исполнять свой ратный долг, так и монахи приносят свои обеты, отрекаясь от мирской привычной жизни, чтобы воинствовать в мире духовном. Монашеских обетов три — целомудрие, нестяжание и послушание.

Вся жизнь монаха построена на послушании, на отсечении своей воли и повиновении старшему. Как говорится о преподобном Сергии: «и был еси монах, покоривый себе воли Божий и начальником, от Него поставленным, иже веления тако слушал еси, яко Самого Господа» (Акафист, Конд. 10). Вот какие послушания исполнял в своей обители благопокорный игумен. «Три или четыре келии для братии он построил своими руками, сам рубил и кополил дрова, носил их к келиям, молол в ручных жерновах, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду и обувь, носил на гору воду в двух водоносах и поставлял у келии каждого брата. ...он своими руками омывал и приготавливал к погребению усопшего из братий. Одним словом, он служил братии, как купленный раб».³

Любопытно взглянуть на перечень послушаний монахов в древние годы. Так в 1713 году послушания были следующие: служебные старцы, священники, диаконы, головщики, канонархисты, псаломщики, гробовые, пономари, будильники, просвирники, звонари, рядовая братия, искусники, вытчики, мукосен и пр. Между старцами упоминаются: соборный, посельский, житничный, подкеларник, чашник, конюший, хлебной, ружейный, поваренный, трапезный, уставщик, ризничий.⁴

Многие послушания исчезли, как, например: мукосей, вытчик, ружейный и крепостной старец, они отмерли вместе с породившим их временем, но послушания, которые ни отмереть, ни исчезнуть не могут, перешли в нынешнюю, современную лавру. Главное из этих послушаний — литургическое, без которого лавра просто-напросто перестанет быть лаврой. Каждый монах в священническом сане несколько раз в году обязательно совершает литургию, ежедневно присутствует на лаврских богослужениях.

В Варваринском братском корпусе на лестничной площадке второго этажа на стенде висят листы бумаги с расписаниями служб. Там указано, кто служит обедню, кто выходит на полиелей, кто помазывает богомольцев, кто исповедует, кто произносит проповедь: Все указано и расписано на неделю вперед. Смотришь впервые на эти списки, и даже оторопь охватывает: да это ж как у нас в батальоне, когда писарь вывешивал составленное в штабе расписание служебных, тактических, строевых занятий, выездов на стрельбище.

Многообразны монашеские послушания: у престола в алтаре и у свечного ящика, где через руки инок проходят тысячи поминальных записок и свеч; на колокольне, откуда в любую погоду раздаются то призывный, то радостный, то скорбный звон; на полевых и строительных работах в подсобном хозяйстве лавры; в издательском отделе, откуда по всей стране расходится духовная литература; в иконной лавке; в гостинице для папомников и братской трапезной. Лаврского монаха можно встретить за пре-

подавательской кафедрой в семинарии и академии, и за рубежом нашего Отечества, на святой горе Афон, в Русской миссии в Иерусалиме. Стоят монахи у горячих печей в просфорне и несут нелегкое послушание ухода за болящими, одряхлевшими от старости и болезней братьями. Инок заступает сюда как на дежурство в больнице, умывает немощного брата, приносит пищу, кормит, словом, находится при нем как сиделка.

В последнее время появилось новое послушание. Монахи посещают местную городскую тюрьму, духовно окормляя новую паству, исповедуют, причащают закоренелых в злодействах преступников и впервые оступившихся людей. Рухнули еще вчера незыблемые препоны, отворились заперы, и слово Евангельской любви проникло и в этот жестокий, являющийся отражением нашей неустроенной жизни мир.⁵

Истинное послушание, не скрепя сердце и стиснув зубы, а по настроенности, воспитанности в этом направлении души, несомненно, приводят к истинному смирению, т. е. в конечном итоге к чаемому очищению души.

Различными путями приходят люди в монастырь. По весьма широко распространенному обывательскому мнению побудительной причиной такого решения, как правило, является житейская драма. Бывает, конечно, и такое, что скрывает, примером тому старший брат преподобного Сергия — Стефан, «поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители».⁶ Но все же гораздо важнее в монашеском призвании — тяга к Богу, расположенность к духовной жизни. Господь всех нас зовет к себе, да только не все слышат этот зов. Преподобному Сергию, Серафиму Саровскому, Иоанну Кронштадтскому он был внятен с детства, с младенческих дней. «Радуйся, по рождению своему постное иноческое житие показывая» (Акафист, Икос 1). Другим людям он становится слышим в юности, в зрелом возрасте, а кому и у смертного порога. Эта тонкость, острота духовного слуха, умиленность сердца, восприимчивость к молитве, глубокое желание достичь нравственного совершенства — главные причины, по которым люди уходят в монахи.

Вот произнесены невозвратимые обеты, и теперь новый дом инок — монастырь и келья, новые соседи и друзья — братия монастыря, которых ты не выбирал и не можешь оставить самовольно, но с которыми ты обязан жить в мире и любви. А жить там всегда — трудно. Даже в монастыре. Мир со своими соблазнами, искушениями проникает и сюда. Монах уходит от мира, но мир настигает его. Монах молится за мир, стремясь просветить, возвысить его, а мир старается подчинить его себе, стащить вниз. В этой противоположности мира и монастыря, несовместимости и неотделимости одного от другого, в борьбе плоти и духа — тяжесть и высота иноческого подвига.

День монаха начинается с молитвенного правила, за которым следует утреннее богослужение, и начинаются обычные дневные послушания. Вечером опять богослужение, ужин, вечернее правило и отдых. Чтобы эта схема получила живые очертания, приведем распорядок дня находившегося в лавре на покое (по-мирскому — на пенсии) архиепископа Сергия (Голубцова, 1906 — 1982).

«Вставал он в два-три часа ночи и до братского молебна с полунощницей, начинающихся в лавре в 5.30 утра, совершал свое монашеское правило. После полунощницы он поминал и молился за ранней литургией, и если было много работы, сразу шел в келью... где работал до братской трапезы, которую, пока были силы, всегда старался посещать. В ней владыка видел не только трапезу телесную, но и духовную... После трапезы владыка Сергей отдыхал около одного-двух часов, а затем вновь принимался за работу и чтение святых отцов». За годы жизни в лавре владыка написал свыше 500 икон преподобного Сергия, подготовил к печати труд «Воплощение богословных идей в творчестве преподобного Андрея Рублева», набросал черновики статей «Духовный реализм в Византийском искусстве», «О древнерусской иконе XII — XIII века», «Во Христе новая тварь», «Тезисы по древнерусской иконописи» и другие. Кроме иконописания и работ по иконоведению, владыка Сергей занимался духовничеством, которое было его призванием. Когда же завершался рабочий, скажем так, день владыки? «...он любил совершать монашеское правило так, что за прошедший день оно кончалось к 12 часам ночи. И лишь после болезни летом и осенью 1980 года этот распорядок дня, как с сокрушением говорил владыка, нарушился».⁷

Так трудятся монахи.

Проста и единообразна иноческая келья. В ней не увидишь многого, без чего жилище нынешнего человека не считается современным. В ней нет телевизора и радио, нет видеомэгафона и стенки с хрусталем, нет ковров и полог, забытых престижной, дефицитной литературой, ничего того, в погоне за чем убивают (порой в буквальном смысле) свою жизнь люди. Значит, вообще-то, можно без этого жить, без этих игрушек для взрослых.

Но обязательно в келье есть иконы. Господа и Божией Матери, преподобного Сергия и (желательно) образ того святого, чье имя ты получил при пострижении. Почти во всех кельях образы Николая Угодника, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Амвросия Оптинского, фотографии Святейшего Патриарха Пимена и Алексия II. Икон может быть немного — в уголке на божнице, а может быть ими занята и вся стена. Посреди икон не редкость крестомощевик — деревянная крестообразная плашка с высверленными углублениями для мощей святых угодников, для камней с Гроба Господня, из Иерусалима, Вифлеема, Назарета — ведь каждая келья — это уголок Святой Земли. И как подтверждение этому, во многих кельях есть цветные фотографии панорамы Иерусалима, а также Афонской горы и, конечно же, самой лавры.

Узкая койка монаха покрыта тонким одеялом. Тнешь пальцем украдкой и ахнешь: матрас-то тонехонкий, фактически голые доски. Однако не так ли и преподобный Сергей «потщался еси темным и прискорбным путем, ведущим в Жизнь Вечную... шествовати» (Акафист, Кондак 7).

В келье есть письменный стол, шкаф под одежду и книжная полка, на которой обычно стоят Библия, Новый Завет, толкования святых отцов на книги Нового Завета, «Аскетические опыты» святителя Игнатия Брянчанинова, труды епископа Феофана Затворника, «Летопись Дивеевского монастыря», «Требник», «Канонник», монашеское правило, споварь Гр. Дьяченко и другие. Светской художественной литературы очень мало. В иных кельях таких книг

нет вовсе, в других иногда мелькнет книжка стихов Н. Рубцова, сборники статей А. Хомякова, И. Киреевского, книга Н. Соколова об убийстве царской семьи.

Внутренний вид жилища лучше всяких слов говорит о человеке, о его духовных устремлениях. Эта простота и безыскусность монашеской кельи служат молчаливым укором твоей душевной разбросанности, рассеянности, когда душа мечется в разные стороны, и сюда хочется успеть, и это не упустить. Но, как говорит Господь, «едино же есть на потребу» (Лк. 10. 42). Побывав в иноческой келье, хочется собраться, не мелочиться в жизни, приподняться над самим собой.

Владыка Сергей писал иконы, архимандрит Матфей (Мормыль), регент монастырского хора, занимается обработкой духовных песнопений, другие иноки, трудящиеся «на ниве Господа свободной», оставляют после себя научные труды, исследования. Эти дарования — живописное, научное, музыкальное — могут быть и у светских людей, но у духовных лиц они освещены светом веры, и как отец Матфей по камертону дает хору верный тон, так вера служит им точным камертоном в их научных трудах. Однако за молитву и подвижничество монаху ниспосланы Богом особые, не имеющие параллелей в жизни мирской дары. Имеется в виду такое явление, как старчество.

У каждого священнослужителя есть духовные дети, духовная семья. Нередки случаи, когда духовный отец моложе своих детей, он старше их не годами, не количеством прожитых лет, он взрослее их духовно, силой любви, смирения и прощения. Это отеческое попечение, руководство в жизни носит в Православной Церкви название духовничества, высшей степенью которого является старчество.

За высокую, самоотверженную духовную жизнь Господь дает особые благодатные дары — прозорливости, молитвенности, вразумления. Старцем был преподобный Сергий, инок Гефсиманского скита отец Варнава (+1906). Есть и сейчас в лавре старцы — это архимандриты Кирилл и Наум, к которым съезжаются духовные чада со всех концов России.

Часто монахов представляют людьми пожилыми, в годах. Но монастыри — порождение живой жизни, и в них все так же естественно, как в жизни. В лавре, как в хвойном бору, рядом с могучими старыми деревьями тянется вверх гибкий, молодой подрост. Или можно сравнить лавру с многогосветником — иные свечи уже догорают, но рядом зажигаются новые, чтобы освещать светом веры людские души.

Одно из главных условий монашеской жизни — непрестанная молитва. Идет ли монах по двору, занят ли чем в келье, разговаривает ли с богомольцами, в руке его черное ожерелье четок. Идут слова, а пальцы без остановки пропускают один за другим узелки. Как узелок, так молитовка: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Как узелок — так молитовка, как покрупнее — десять прочитано. Придут иноки в трапезную, помолвятся, сядут за столы, очередной монах или послушник в это время громко читает жития святых, память которых совершается в этот день. Так и проходит вся жизнь с молитвой, со словом Божиим.

Есть в лавре небольшой садик, можно даже сказать — лесок, хотя его можно пройти вдоль и поперек за пять минут. Растут в нем рябина и клен, яблоня и ель, ольха и березка. Здесь в беседке,

застекленной цветными (красными и зелеными) стеклами, или на скамье под сенью деревьев монахи читают в погожий день, беседуя друг с другом.

А в километрах пяти-шести от обители на нескольких гектарах раскинуло свои угода подсобное хозяйство лавры. Построены в нем конюшня и скотный двор (добротные, сделанные на совесть здания), птичник и псарня, зеленеет молодой яблоневый сад и тянутся ряды смородиновых кустов, есть теплицы, большой огород и два пруда с пчелиным ульем на берегу. Хозяйство воссоздается заново. Всюду заметны следы стройки: тут возвышаются штабеля железобетонных плит и поддоны с кирпичом, там на земле разбросаны обрезки досок и железных труб, стоит сварочный трансформатор, валяются банки из-под краски. Посторонний, с холодным сердцем наблюдатель, пожалуй, хмыкнет: ничего себе, хваленый монастырский порядок. Невдомек ему, что в святой обители из всего нужно уметь извлекать духовный урок. Лаврское подсобное хозяйство — это образ нашей страны, освобождающейся от семидесятилетнего вавилонского плена бездуховности. Да, еще тонки и неплодоносны яблони в подсобном хозяйстве, еще скудна глинистая, неудобренная, запустевшая без хозяйского глаза земля-кормилица. Но как верный залог будущего порядка и ухоженности стоит в центре хозяйства деревянная новая церковь

с колоколами на паперти. И веришь, повеет когда-то с полей медовым запахом гречихи, загудят неутомимые работницы пчелы, и с Божией помощью, по предстательству угодника Божия Сергия зацветет со временем все наше Отечество, как лаврский яблоневый сад.

Много написано книг о Троице-Сергиевой лавре и много еще напишут их, но все же никогда не будет написана самая главная, сокровенная книга. В небе летают птицы, на клумбе цветут цветы, по лаврскому двору идут богомольцы и праздные туристы, в иконной лавке кто-то недоволен, что нет нужной ему иконы, на ступенях Успенского собора прикорнула и дремлет старушка-нищенка, за стенами лавры мчится лавина машин — бурлит обычная жизнь, а в это время у себя в келье подвижник молится Богу. За себя и за весь мир. Кладет поклоны, один за другим, сотня за сотней, проливает слезы: «...слезными каплями на всяк день постелю омочая, Сергие славне, страстей пучину изсушил еси» (Канон, Песнь 9). Он сейчас один на один со Всемогущим и Всеведущим Господом, потому что монах — это одинокий. И эту его молитву, этот разговор с Богом ни пересказать, ни передать нельзя. Да и не нужно. Это тайна, а без тайны невозможна подлинная духовная жизнь. Без духовной тайны живут только растения и животные.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «ПОКАЯНИЯ ОТВЕРЗНИ МИ ДВЕРИ»

*Радуйся; приводяй грешных ко исправлению...
Радуйся, душ немощных исцеление.*

Акафист. Икос 6.

Над лаврой густая синева ночного неба. Все меньше и меньше людей на монастырском, еще недавно оживленном дворе. Пройдет по своим делам монах, и черная мантия, отлетая на ходу, трепещет и волнуется за спиной, как широкое взлетающее крыло. В выси раздается плеск часовых колоколов, отбивающих четверть. Наступает ночь. Зажигаются огни фонарей, храмы закрыты, только в трапезной Сергиевского храма, как в борту высокого морского корабля, колеблются и плавают желтовато-золотистые пятна света. Богомольцы поодиночке и стайками бредут туда.

Настало время исповеди и покаяния. Все, кто говел перед праздником и хочет завтра причаститься, исповедуются здесь.

Нет различия в службе между малым приходским храмом и огромным столичным собором. И там, и здесь равностепенна литургия, одинаково спасительна и благодатна приносимая Бескровная Жертва, и все же причаститься на Троицу или в дни преподобного Сергия в самой лавре, где так близко, всего в нескольких метрах почивают святые мощи, в этом для благочестивой христианской души особая радость.

Невозможно называть себя христианином, не причащаясь Тела и Крови Христовой, и невозможно причаститься (разве только в осуждение), не исповедовав перед священником своих грехов.

Велика очистительная сила исповеди и покаяния для каждого, кто приходит и исповедуется перед Евангелием и Крестом открытым сердцем, без недомолвок и утаек. «Покаяние есть лестница, возво-

дущая нас туда, откуда мы ниспали», — учит святой Ефрем Сирин.

Однако до Причащения еще далеко, ранняя обедня начнется только в 6 утра, а сейчас в трапезной Сергиевского храма происходит исповедь.

Удивительную картину представляет собой трапезная. По всему ее широкому пространству то тут, то там расставлены аналои, как уютные домики с покатою кровлей. Возле них на стульчиках сидят иноки, а перед каждым иноком на коленях стоит исповедник. На скамьях вдоль стен, на которые во время службы присаживаются отдохнуть уставшие старушки, теперь спят люди. Кому не хватило места здесь, устроились на полу, положив на пол пиджак, пальто, кофту или кусок пленки, какой закрывают огородные теплицы. Спят женщины, дети, старики. А посередине трапезной у приделов святых Серафима Саровского и Иоасафа Белгородского, напротив кованицы, узкой дверцы тоже стоит аналой. На нем каноник, по которому собравшиеся богомольцы поют покаянный канон Иисусу Христу. Поет ирмосы и громко читает стихи женщины, и голос ее, требовательный, убедительный слышен еще на улице через раскрытые двери храма. Рядом с женщиной покоящая старуха с редкими зубами и большим ртом. Она не моргая, пристально смотрит на тицу и при пении закрывает глаза. Здесь и слепой старик, которого ты видел на всенощном бдении в соборе. Он не всегда успевает вступить вовремя и поет отставая. А вот и сама тица — худощавая, с черными гладкими волосами под косышкой, смуглая (видимо, с Украины или из Молдавии) женщина. С твердыми уверенными ин-

тонациями и сильным, неутомимым голосом. Возможно, она часто поет здесь; быть может, бывает тут наездами, а то и вообще приехала впервые. Но взгляд ее, выражение лица говорят о том, что она из тех людей, которые не уступают давлению, чужой злой воле, она из тех, чьи молитвами, истовым самопожертвованием выстояла оклеветанная, попираемая и унижаемая мать-Церковь.

А что за голос! Как он властно берет за душу, как взывается и летит по храму ко всем, кто исповедуется во грехах, ко всем, кто спит уставший и утомленный, ко всем, кто изображен на картине Страшного Суда а арке под сводом.

— Не надейся, душа моя, на тленное богатство и на несправедливое собрание, — ведет голос, — вся бо сия не веси кому оставши...

— Помилуй мя, Боже, помилуй мя, — догоняет нестройный хор.

Подпеваешь, молишься вместе со всеми, украдкой, чтобы никого не оскорбить открытым взглядыванием, посматриваешь по сторонам и с горечью, с покалывающей обидой видишь: большинство молящихся, исповедующихся и отдыхающих — пожилые и старые женщины. Преимущественно из простого народа. Да, завтра придут из Москвы люди и другого круга, но это же будет капля в море. Вспоминаешь В. О. Ключевского, писавшего: «...состав общества, непрерывной волной притекавшего ко гробу Преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным... люди всех классов русского общества притекают ко гробу Преподобного».⁴ Что бы сказал он сейчас, оказавшись в трапезной, как удивился бы и был неприятно поражен. Повторилась Евангельская история: ученики разбежались, верными Господу в испытаниях остались жены-мироносицы. Тяжкие испытания постигли Православную Церковь. Так где же вы, умные, сильные и смелые мужчины? — хочется крикнуть. Почему вы не здесь, чего вы ждете? В приходских церквях давно уже нет аптарников, пономарей, псаломщиков, звонарей, все это лежит на плечах женщин. Но они устают, стареют, силы у них на исходе. Когда же вы придете и протянете Церкви свою мужскую руку, когда склоните гордую выю и умную голову под смиренную священническую епитрахиль?

— Ныне к вам прибегают, Ангели, Архангели, и вся небесные силы, — опять с глубиной и жаром взывает женщина.

— Помилуй мя, Боже, — помилуй мя, — уже слаженней подпеваешь хор.

У Серафимовского придела возле самой решетки, к которой привязана высокая тонкая березовая ветвь, спит старик. Укрыт он тонким, порванным у рукава плащиком, на полу стоят стоптанные, пыльные полуботинки с разными шнурками. Лежит он, подложив ладонь под щеку, и поза его такая домашняя, умиротворенная, что, внимая пению хора, ду-

маешь: чем не образ рая, ведь и там кринь цветущие и ангелы, славящие Творца.

В ногах спящего сидит мальчик. Сидит послушно, сложив на коленях ручонки. Устал, клюет носом. А бабушка его, которой, верно, половина грехов простится за то, что с детства приучает малыша к храму Божию, стоит на коленях у аналоя и, поднося руку с платочком то к глазам, то к носу, что-то говорит монаху.

— Ныне плчуся к вам, святити патриарси, царие и пророци, апостоли и святителие, и вси избранныи Христовы...

— Помилуй мя, Боже, помилуй мя...

Вот у кого нужно учиться несокрушимой вере. У этих женщин, стариков и детей. Стоят, читают покаянный канон и еще долго будут молиться, потом исповедуют грехи и лягут спать в храме на пол без каких-либо претензий и обид, потом встанут чуть свет и будут молиться за часами, будут петь на обедне «Верую» и «Отче наш», приобщатся Святых Тайн и отсюда пойдут на станцию, придут в Москву и там, быть может, еще целый день будут томиться в душном, переполненном вокзале, а потом сядут в поезд и поедут к себе домой, полные благодатных, нестеряченных впечатлений. И на все хватит сил, все перетерпеть — усталость, толпучку, очереди в кассах, дикие объявления на вокзалах о видефильмах, жару и шум в вагонах... Все даст вера, все даст молитва.

Времени полночь. Над лаврой высыпали звезды. Красиво, не торопясь, колокол выпускает в ночь двенадцать протяжных вздохов. Тихий ветерок шевелит игольчато-мягкие ветви лиственниц, словно о чем-то беседует с ними. Где-то внизу, в кустах пискнул, отрывисто густо чмокнул и ударил трелью соловей. Припоминается рассказ знакомого инокса, что в лавре растут ландыши, давно уже вырванные и вытоптанные в Подмоскovie. Какое чистое, светлое место!

Обернешься — в Сергиевский храм женщина закатывает коляску с грудным ребенком. В приоткрытую форточку слышно, как в трапезной поют последний стих канона Пресвятой Богородице, закончили и сразу, без передышки (сколько же силы у них!) запели акафист Преподобному.

И снова начинается все тот же выносливый женский голос:

— Возбранный от Царя сил Господа Иисуса, данный России воеводо и Чудотворче предивный...

Спускаешься по лестнице с гильбица, как с борта корабля, идешь на ночлег, а в храме молятся. Спит весь город, спит городская округа, и в этой тишине ночи, согретой молитвой, прошитой, как узором, пением соловья, еще раз понимаешь, что вся лавра — это молитва. Создал ее великий подвижник, вознес свою душу к Престолу Живоначальной Троицы, и звучит его молитва не прекращаясь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ДРЕВО ЖИЗНИ

Радуйся, древо чудоточное рая Иисусова.

Акафист. Икос 7.

Все в нашем мире преходяще и тленно. Нетлены только молитва и память. Молитва идет к Богу, а здесь на земле остается память, незримой, но прочной скрепой соединяющая умерших и живых. И по-

ка жива память о предках, жив и несокрушим народ. Однако только в Церкви историческая память познается не как абстрактное, отвлеченное понятие, которое можно фальсифицировать и использовать

по своему усмотрению, а переживается как конкретное, действительное чувство.

...Это было год назад, когда в ночь под Великую Субботу в нашей приходской Лазаревской церкви совершался чин погребения Плащаницы Спасителя. В пятом часу утра, когда под тихое пение погребального «Святой Боже...» мы вышли со свечами из храма, в воздухе стоял сероватый, тускло-жемчужный блеск начинающегося рассвета. Мы шли вдоль стены храма, понурив головы. Сердце точила давняя скорбь по распятому Господе, а на церковном кладбище, на кустах голой бузины, на суковатых столетних березах и тополях стрекотали, свистели и пели птицы.

Днем сильно таяло, к ночи ударил морозец, и мерзлый снег хрустел и ломался под ногами.

Мы поравнялись с алтарем, и когда огни из его окон упали на нас, почудилось мне, что кладбище справа от нас дышит, что люди в могилах слышат все — и наше «Святой Боже», и гомон птиц, и этот снеговой, льдистый хруст. Я вдруг почувствовал этих людей живыми, лежащими там в темных скорлупах-гробах, почувствовал некую струящуюся от нас к ним и от них к нам молитвенную, поминальную, памятливую связь, которая не словами, не чувством, а таинственным дыханием непрерываемо говорила мне, что мы все — одно, и живущие сейчас, и умершие недавно, и погребенные более трехсот лет назад. В тот миг у алтаря слова Господа: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20. 38) открылись мне их неисчерпаемой глубиной, в ту ночь я ощутил историческую память как реальность, такую же реальность, как молитва, как Церковь, как Родина.

Только в Церкви история хранится не выборочно, а целиком. В нашей мирской суетной жизни сегодня человека несут на руках и сплают ему гимны, а завтра с яростью истребляют и малейшее упоминание о нем. В Церкви же свято сохраняется память не только о великих светильниках, столпах веры, но и о малоизвестных, а подчас и безымянных подвижниках, о которых внесено в месяцеслов: два мученика, имен же их не вею.

Только с возникновением Русской Православной Церкви, с Крещения Руси начинается наша настоящая письменная история, а не сказочно-басенная, одетая в завлекательные одежды вымысла.

Только в Церкви сохранилось многое из того, что утрачено в обыденной жизни, — левушие, подернутые дымкой древности имена: Филарет, Агафангел, Иннокентий, Серапion; старинные покрои одежд; древние обычаи встречи и приема гостей; только в Церкви живет поразительный по благозвучности и изобретательной силе церковнославянский язык, тот язык, на котором говорили и писали наши предки тысячу лет назад.

Эта историчность общецерковного бытия прослеживается и в Троице-Сергиевой лавре. Именно в лавре был составлен первый русский летописный свод (1418 г.). С самого ее возникновения в лавре переписывали книги, а «переписывая и сохраняя старинные книги, лавра сохраняла историческую память. Как бы мы узнали без этих книг о наших предках, и славе нашего Отечества, а не зная и не любя бы так Отечество. Поэтому монастыри... и монастырь Сергиевский особенно, научили нас любить наше Отечество».¹⁰

В монастырской ризнице, наряду с церковными редкостями сберегались предметы домашнего обихода,

посуда, мебель. До наших дней дошли уздечка коня Димитрия Пожарского и пороховница князя, смоляной котел от давней осады и троичный «чеснок» — четырехлапые колючки, затруднявшие передвижение вражеской конницы.

Кто не видел в Троицком соборе безобразную дыру в железной двери, там, где у раки преподобного инока обычно читает акафист? Лохмотья вывороченного, рваного металла торчат так уродливо, нелепо, что у человека несведущего возникает вопрос: почему эту дыру не заделают? А это пробоина от ядра, дыре этой больше 380 лет, она, как и смоляной котел, — памятный знак легендарной осады. «В той же час... ядро проразил железные двери с полуденных страны у церкви животна чальныя Троицы и проби доску местного образа великого чудотворца Николы выше левого плеча подле венца».¹¹

Эта пробоина — свидетельница стойкости в бою за Веру и Отечество, свидетельница сотворившегося чуда: ядро, поразившее икону Николая Угодника, за ней не нашли, оно растаяло, как снежок, брошенный в костер. Сейчас икона помещается на столпе возле двери. Часть иконной доски, выбитой ядром, заложена камнем, привезенным из Иерусалима, от Гроба Господня.

Былое сберегается в лавре не по приказу начальника, не по казенной директиве, а по велению сердца, по безотчетному чувству любви к старому. Когда на лаврской колокольне проводились ремонтно-реставрационные работы, отец Михайл попросил рабочих не трогать одну вещь и теперь показывает ее посетителям, с мудрой гордостью прибавляя:

— Неправда, что наши деды щи лаптем хлебали.

В давние годы у западной стены лавры стоял локомотив, вырабатывавший электроэнергию. Проводка была устроена и на колокольне, и по двенадцатым праздникам и торжественным царским дням колокольня иллюминировалась. Теперь можно только догадываться, какое это было чудное зрелище, когда ночью на много верст вдаль был виден светящийся столп колокольни, сродни тому огненному столпу, который вел по пустыне ветхозаветный народ иудейский. Колокольня была подобна маяку, освещавшему путь в греховной тьме, в ночи искушения и соблазна.

По просьбе отца Михея рабочие оставили деревянный ящик, открыв который, видишь старинные, крупные фаянсовые розетки и на больших роликах шнуры еще тех, прежних проводов. Можно подумать — пустяки, совсем малозначащая деталь, но как сразу перекидывается мостик в прошлое, и совсем по-другому видится наш горделивый и самоуверенный нынешний день.

А колокольный звон — это тоже сохраненная, живая память. Отец Михайл, более двадцати лет исполняющий послушание звонаря в лавре, перенял искусство звона от своих предшественников, многое воссоздал сам и теперь делится секретами своего мастерства с учениками.

Вот поднимается он, старый, больной (у него болят ноги и сердце), на колокольню, опирается рукой на гладкие, выполенные тысячами прикосновений каменные перила. Ему помогает молодой послушник Константин. На площадке первого яруса, где некогда висел Царь-колокол, а ныне пустует мощная (аршин высоты в поперечном сечении) балка, отец игумен отдыхает и трогаются дальше.

На площадке звона, где висит 600-пудовый ко-

локол Лебедь, подарок Бориса Годунова, отец Михай по лесенке забирается на дощатое сооружение, которое можно сравнить и с дирижерским пультотом, и с капитанским мостиком. Отсюда как на ладони лаврский двор — обелиск, сень над крестом, Троицкий, Никоновский, Святодуховский храмы. По двору идет женщина с березовой веткой, помещенной в середину большого букета, бегут две девочки, взявшиеся за руки, ковыляет на костылях инвалид...

Отец Михай с камертоном проверяет колокола, которых под его началом более двадцати — четыре группы по четыре колокола (от каждой группы на мостик протянуты веревки), ножные педали к пяти колоколам и два колокола отдельно, как бы сами по себе. Отец Михай, взглянув на часы, берет в руки веревки-вожжи от четырех упряжек и говорит вниз:

— Качай, Костя.

Константин раскачивает язык колокола, большой, увесистый, словно богатырская палица. Раскачал, подвел к самому-самому краю, только бы дотронуться, но не дотронулся. И сделал так раза три, искоса поглядывая на о. Михея. Тот, чувствуя, что послушник смотрит на него, выжидал что-то (видимо, настраиваясь в душе) и... тихо кивнул головой. Тяжелая палица прикоснулась к краю колокола, он вздрогнул, возгудел, а палица ожгла его снова и снова, и колокол, этот могучий бронзовый великан, эта литая вязкая плоть, затрепетал от ударов и загудел ровным, все наполняющим собой гулом. И тут вступил отец Михай, вплел первой четверкой колоколов мощную энергичную прядь в этот гуд, вдогонку ей послал сдвоенный аккорд второго квартета, дакнул ногой педаль и снова встряхнул руками. И пошло, пошло! Гудит матерый Лебедь, в лад ему соударяют средние колокола, впереворот поддакивают другие, дребезжа, заливаются колокольцы. Ходуном ходит мостик, на котором священнодействует отец Михай. И, кажется, вместе с ним ходит ходуном вся 80-метровая колокольня. Хочется плакать, как вчера от молитвы в Сергиевском храме. Плакать от звона, который обнимает тебя, протекает насквозь густой звенящей волной. Плакать от того, как изменилось лицо о. Михея. Сколько молитвенной сосредоточенности, полета и молчаливого восторга на этом старом, некрасивом, но бесконечно привлекательном в момент творчества, в минуты вдохновенной, поистине громогласной молитвы лице!

И плывет, гудит, катится над лаврой вековой, древний звон. Да и какой древний! Ведь за спиной о. Михея висит колокол, который старше всего, что построено в лавре, — Троицкого и Успенского соборов, Никоновского и Сергиевского храмов, старше города и всех окрестных деревень. Он звучал, когда лавра была еще вся деревянной, когда мощи преподобного еще покоились в земле, «утесняемые водой». Это колокол, отлитый при игумене Никоне в 1420 году. Он звонит, молится Богу вот уже 570 лет.

В чудесный день высь неба голубая
Была светла;

Звучали с церкви, башню потрясая,
Колокола.

И что ни звук, то новые виденья
Бесплотных сил...
Они свершали на землю схождения
Поверх перил.

Они, к земле спустившись, отдыхали
Вблизи, вдали...
И незаметно тихо погасали
В тенях земли...

И я не знал под обаяньем звона:
Что звук, что свет?
Для многих чувств нет меры, нет закона
И прозвищ нет!..¹²

В лавре сохраняются литургические традиции Церкви. Только здесь многие верующие могут видеть службу с канонархом. В лавре ведется кропотливая работа по собиранию и воссозданию утраченных певческих традиций.

В череде лаврских крестных ходов (в совокупности за год их насчитывалось до двух десятков) два из них имели не только молитвенное значение, но и служили напоминанием о былом — 12/25 января в день снятия осады (ход по стенам) и 1/14 октября в память избавления от французов (ход вокруг Сергиева Посада).

В старые времена люди делали вклады в монастыри на вечное поминовение души. Когда монастыри после революции закрыли, продолжавшееся века поминовение превратилось по всей России. Частные молитвы не могли восполнить его, потому что представителей многих пресекшихся, вымерших родов, семей поминали только в Церкви. Усопшим не нужны от потомков ни исторические романы, ни красивые патриотические речи, ни богатые памятники, им необходима пусть негромкая, но постоянная молитва о спасении их душ. Чтобы исправить историческую и нравственную несправедливость, в лавре составляется монастырский синодик за 650 лет.¹³

Когда корни древа исторической памяти рубились по всей стране, в лавре они сберегались, несмотря на то, что она была закрыта. Был жив ее дух, лавра жила в душах людей, тех людей, которые спасли, сокрыли до благоприятных времен антиминсы лавры,¹⁴ которые не допустили сброса всех колоколов, которые писали воспоминания и вели дневники в те опасные годы, зная, что их записки когда-нибудь пригодятся. Свет лавры сиял людям, сохранившим удивительный семисвечник в виде виноградной лозы, стоящий в алтаре Успенского собора. Незыблемый трепет проникает в душу, когда смотришь на его лампы, на образы святых, на крепкий, обвитый посвящательной надписью ствол, на мощные жилы корневищ. Возможно обрубить земные корни исторической памяти, но никому не под силу пресечь духовную связь, обрубить, выкорчевать церковные корни. Церковь — наш оплот и прибежище. Пока жива Церковь — живы мы сами, жива наша история.¹⁵

ГЛАВА ПЯТАЯ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

Радуйся, удостоивыйся во время совершения литургии сослужения ангельского; радуйся, во Святую литургию в благодати Божией весь аки во огни стоящий.

Акафист. Икос 2.

Хорошо ранним утром прогуляться по лавре, посмотреть на храмы, подумать в тишине. Бог весть, когда снова доведется побывать здесь.

Из-за оградки возле Сергиевского храма чудно пахнет обильной холодной росой. На могилах Свято-духовского кладбища в застекленных фонариках-домиках теплятся поминальные свечи. Солнце, поднявшееся из-за стены, бьет лучами по кресту Михеевского храма, и на малолюдном, пустынном лаврском дворе далеко слышен говор людей у водочного креста под выпуклой, словно перенесенной сюда с иконы сенью. Вода непрерывно истекает двумя струйками из перекладины креста, полпескает о стенку подставленной банки, побулькивая, попадает в узкое горлышко бутылки. Кто подставит под этот прозрачный пульсирующий пруттик крышку термоса, кто стакан, заварной чайник, кружку, солдатскую флягу, эмалированную тарку, а кто — о, запасливый хозяин! — многолитровую канистру.

Приятно посмотреть на незнакомые, милые лица людей, слушать их простые, наивные разговоры. Не так ли собирались путники и у студента Иаковля, где Спаситель проповедовал самарянке о воде живой?

От Сергиевского храма доносится пение. Все смотрят туда.

О, как хорошо в Твоем храме,
Владычице!
Как сладко душе и светло!
Свободно, спокойно в нем
Каждому дышится,
На сердце легко и тепло.

Поющая женщина тонка и худа, как девочка, но маленькое сморщенное личико, опущенный к земле взгляд и бесстрастное, безучастное лицо говорят о преклонном возрасте. Она поет, к ней подходят, подают конфету, яблоко, одна женщина подала полотенце, другая рубль. Не меняя выражения лица, почти не глядя на подающих, комкая деньги в ладонь, женщина кланяется, не переставая петь. Голос ее тоже тонкий, несильный, гибко и нежно ведет мелодию. Интонации ее голоса, бесхитростные слова духовного стиха так трогают сердце, пощипывают душу, что женщины, стоящие рядом, плачут.

Нельзя не вздохнуть с сожалением (и это одна из скорбных примет конца XX века), что наш певчий и музыкальный народ онемел. Изредка передают песни по радио и телевизору, но в быту — дома, в минуты отдыха люди не поют. О работе и говорить не приходится, кто сейчас поет за работой? А ведь каких-то сто лет назад все выглядело иначе. «Ни один народ в Европе не имеет такого богатства песен и напевов, красивых и оригинальных, как Русский народ. Еще до XVIII века мы имеем свидетельство о том, как наши песни удивляли иностранных музыкантов своею свежестью и музыкальными красотою». И далее: «Русский человек поет почти

постоянно. Крестьянин поет за полевой работой... солдат во время похода и в лагере, извозчик и почтальон во время езды. Беллерманн. Заметки о России... Эрфурт. 1788».¹⁴

Почему с нами произошло такое несчастье, разговор особый, но тем не менее просто так, по душевной необходимости, а не за деньги и не в кружках самодеятельности, нынче люди поют только в церкви. Поют, встречая и провожая архипастыря, на службах и крестных ходах, молебнах и панихидах, поют, возвращаясь с Пасхальной обедни, унося домой освященные куличи и горящие свечи, поют вот так посреди лавры, потому что канва жизни церковной соткана из пения, из музыки. Музыка песнопений и монастырской архитектуры, музыки, безмолвно льющейся с икон иконостасов, текущей в завитках фигурной решетчатой, ограждающей солею и клиросы, музыки пламенных, световых пятен свеч и паникадил. Вся жизнь Церкви — это пение, хвала Творцу. И первые люди, когда жили в раю, тоже только пели, а заговорили, будучи изгнаны из Господня Сада.

Подшло время поздней, Патриаршей литургии. В Троицком соборе уже читают часы. Людей много, все стоят так тесно прижавшись друг к другу, что руку после крестного знамения приходится держать у груди.

Чтение часов закончено, и в службе наступает продолжительная, но не утомляющая пауза. Ждут Патриарха. В переполненном соборе тихо. Никто не говорит. В тишине слышно, как то тут, то там сухо потрескивают свечи. Вдалеке в Никоновском храме слышится:

— Благословен еси, Христе Боже наш...

Грядет Патриарх. Опять, как и вчера, все подтягиваются и как будто становятся выше, смотрят в одну сторону, а пение громче, отчетливее, уже совсем рядом в соборе и, предшествуемый наместником лавры о. Феогностом, духовником лавры о. Кириллом и сослужащими владыками, в расшитом золотом, цвета сочной, торжествующей зелени саккосе, в переливно играющей многоцветными искрами митре, является Святейший Патриарх.

Литургия, начало которой положил Господь на Тайной Вечере, главное христианское богослужение, центр христианской молитвенной жизни. Все службы сугубого круга предшествуют ей и вливаются в нее. Все православное богослужение — это движение, нарастание света. На литургии происходит полное раскрытие этого света — Света Христова.

Литургия началась. Поют антифоны, в алтаре звучит:

— Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, спаси ны Утешителю Благий... — и из алтаря, насыщенного светом и молитвой, в храм текут облачные, прозрачные клубы фимиама. Они просачиваются среди молящихся, поднимаются ввысь, окрашивая лучи солнца, сизым, голубиным цветом.

На солею выходит патриарх, степенно, важно кадит святым иконам, правому и левому клиросам, молящемуся народу.

Хор тихо, проникновенно тянет:

— Испол-ла эти дэ-э-э-э-спота-а, — и в это стелющееся пение ритмично влетает тихое позвякивание колокольцев на цепочках патриаршего кадила.

Движения рук патриарха плавны, взгляд приветлив и светел. Должно быть так же по этой солее шествовали с кадилом игумен Никон и осадный игумен Иоасаф, владыки Платон и Филарет, патриархи Алексий I и Пимен.

Пропеваются многолетия православным патриархам и предстоятелям православных автокефальных церквей. Эта особенность патриаршего богослужения здесь, в лавре, волнует особо. Думаешь о миллионах православных христиан, молящихся сегодня в храмах.

Литургия движется неспешно, как сама жизнь. По-прежнему, как тысячу лет назад, как вчера, над землей встает солнце, бьет о берег морская волна, и так же спокоен и размерен голос патриарха, когда после пения Херувимской на Великом входе он осеняет Чашей свою паству:

— Вас и всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царствии Своем...

И многие люди в соборе, склонив головы, крепятся, тихо шепча:

— Святительство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем...

Тяжело стоять в переполненном соборе, трудно молиться, когда даже и в такой тесноте и духоте все равно кто-то пробирается к выходу или норовит пролезть вперед. Но трудно всем, не тебе же одному. Да и какой плод получишь не трудясь? Это только люди несведущие полагают, что молитва — приятное безделье. Нет, — она труд, но особый, это — «труд любви» (I Фес. 1, 3.). Все сейчас не просто стоят в соборе, отбывают время, а трудятся в молитве — и Святейший Патриарх, и владыки, и иже с ними в алтаре, и верующие в храме.

И люди, понимая, что здесь не место для житейских дряж, терпеливо сносят и тесноту, и толкучку, и если все же вдруг вспыхнет раздражение, проявится накопившаяся досада, тут же с готовностью прощают и даже торопятся уступить друг другу.

Произносится ектения, народ поет «Верую», все ближе глубочайший, таинственный миг священнодействия.

Мягкий, но звучный голос Святейшего взывает в алтаре:

— Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.

Хор медленно, распевно начинает:

— Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим...

Сейчас в алтаре, когда Святейший Патриарх молится о ниспослании Святого Духа, невидимо для всех совершается уже почти две тысячи лет повторяющееся чудо — хлеб и вино на престоле прелагаются в Тело и Кровь Христова.

Великие угодники, подвизавшиеся в египетских пустынях, устаивались явного схождения Святого Духа на престол, как об этом свидетельствует блаженный Иоанн Моск. Отдавая им должное, мы все же не будем пускаться в столь дальнее странствие. Вот о чем повествуется в Житии преподобного Сергия.

«Преподобный Сергий совершал Божественную Литургию вместе с братом своим Стефаном и племянником Феодором. Молчальник Исаакий

стоял в церкви. Вдруг он видит в алтаре четвертого, чудного образом мужа, сослужащего сим трем и сияющего необычайным светом в блистающих одеждах. В малом входе с Евангелием чудный муж шел вслед за Сергием, и лицо его сияло, как солнце. Литургия окончилась, и чудный оный муж стал невидим. Оба ученика спросили Преподобного о его таинственном сослужителе. Смиренный старец сначала уклонялся от объяснений. Но ученики не переставали упрашивать его. Тогда Преподобный сказал им: «Дети мои любезные! Если уж сам Господь Бог открыл вам тайну, то могу ли я скрыть ее от вас? Тот, кого вы видели, — Ангел Господень, и не теперь только, а и всегда, когда я совершаю Божественную Литургию, мне, недостойному, бывает такое посещение».

В другой раз, когда преподобный Сергий совершал Литургию, блаженный Симон «видел, как небесный огонь сошел на Святые Тайны в минуту их освящения, как этот огонь ходил по святому престолу, озаряя весь алтарь, обвиваясь около святой трапезы и окружая всего священнодействующего Сергия. А когда преподобный хотел причаститься Святых Тайн, Божественный огонь свился «как бы некая чудная пелена» и вошел внутрь святого потири. Таким образом угодник Божий причастился сего огня...»¹⁷

Это происходило здесь, в лавре, где мы сейчас стоим и молимся. Такого праведника послал Господь на нашу Русскую землю.

Общая молитва не прерывается ни на миг, звучит в возгласах диаконов, епископов, Святейшего Патриарха, в сердцах верующих. Хором пропето «Радуйся, Царице», соборно «Отче наш», затворяются Царские врата, задерживается завеса на них, и в алтаре первыми причащаются, становятся причастными Телу и Крови Господа, совершители Таинства. Хор, пропев причастный стих, затем несколько раз поет: «Бог наш на небеси и на земли вся, елика восхоте, сотвори».

Молодые, дивно расцветшие голоса залетают на такие верха, что дух захватывает. Думаешь: второй раз так не спеть. А они поют. И как поют! Великолепны хоры в лавре — и семинарский, и собственно монастырский. И как по-разному звучат они в храмах — задушевно, по-домашнему в Смоленской церкви, широко, безгранично возлетая в Успенском соборе, свысока, словно с облаков в Сергиевском храме, и совсем рядом с тобой в Троицком.

— ...восхоте, восхоте-э-э-э сотвори-и-и-и! — возносится хор, и за пением хора бесшумно, потихоньку отодвигается завеса на Царских вратах.

Выносятся святая Чаша. Святейший Патриарх читает молитву перед причастием. С Чаши снят покровец, и справа и слева от Святейшего встают протодиаконы.

— Тело Христово прими-и-и-и-ите, — поет собор.

К патриарху подходят причастники. Приближается слепой старик, которого помнишь по всенощному бдению, а вот и кто-то кающийся канона. Каким светом горят ее глаза!

Дивное место лавра. Люди живут здесь рядом, невидимо знакомятся, почти рождаются (да мы и так все родственники во Христе, братья), а потом разъезжаются, так и не узнав, что приобрели новых родственников и знакомых. Но таинственные нити, объединявшие нас на молитвах, на службах, за общим паломническим столом, а крепче всего у Чаши, незримо сохраняются, и, будучи вдалеке, мы в то

ке время остаемся нераздельно близки друг с другом. Так Вера, Евхаристия объединяет людей.

Несут от Чаши грудного.

— Как зовут?

— Сергей.

А у Сергея, туго увязанного в пеленки, только глаза блестят.

— Ой, пропустите, опоздаем, — слышится сзади испуганный, заполошный шепот. Это вчерашняя бабушка с непоседой внуком.

Причащение завершено. Чаша возвратилась в алтарь, перенесена на жертвенник, отзывали благодарственные молитвы.

Литургия окончена, но по чину Троицкой службы за ней сразу следует вечерня, в Царских вратах ставится вдвое ниже обычного аналой, перед которым встает на колени Святейший Патриарх.

Так же, как ждут в Пятидесятницу пения «Царю Небесный», так ждут возвращения не совершающихся в это время земных поклонов. Для мирского, обезбоженного сознания стояние на коленях — степень крайнего унижения и позора. Для этого вроде бы есть основания: встать на колени перед врагом действительно было позором для русского человека. Но упасть на колени перед Создавшим тебя, что может быть отраднее и желаннее? Разве дитя, подбежав к любящему отцу, не падает перед ним на колени, лаская и целуя любимую, единственную руку в мире, разве это позорно для ребенка? А ведь все мы от убежденного сединами Святейшего Патриарха до грудного младенца — дети Господа. И поэтому с таким наслаждением и даже спешкой, хотя торопиться некуда, весь собор вслед за патриархом опускается на колени.

Вместе с патриархом, громко читающим коленопреклоненные молитвы, их повторяет про себя каждый человек.

После этих молитв праздник из собора выходит на улицу. Начинается крестный ход. Покачиваясь, движутся хоругви, слышно пение тропаря, над людской массой взлетает в воздух светло-хрустальная россыпь святой воды. Люди тянут руки, ловят капли. У алтаря Троицкого собора Святейший Патриарх читает Евангелие, и снова закачались, словно древние княжеские стяги на копыях хоругви, возобновился приумолкший на время чтения Евангелия колокольный звон. И всюду, куда ни глянь — народ. Люди, только что молившиеся в лаврских храмах, все на улице. Дети, взрослые, старики. Всюду радостные, светлые, ясные лица. Вот встретились в толпе двое мужчин, видимо, не ожидавшие встречи, обнимаются, целуются. Отмечаешь, что только в лавре да в церквях теперь и здороваются по-русски. Вот идут приехавшие из дальнего города к учащейся здесь в

иконописной школе девушке ее подруги; у заборчика стоят духовные чада инок, отъезжающего на Афон, пришли благословиться перед долгой (может, и на всю жизнь) разлукой; проходят два курсанта из военного артиллерийского училища, молодые — невеста в белой развевающейся фате, у цветочной клумбы в кресле-коляске парализованный мальчик, невдалеке под хоругвью с двуглавым орлом собирают подписи о канонизации царской семьи, идет приходской батюшка (высокий, светловолосый красавец — залюбуешься!) с матушкой, с ними пятеро их детишек...

Каждый большой праздник в лавре, будь то Троица, обретение мощей преподобного или его преставление, Успение Божией Матери или Ее Покров, стихийно превращается в торжество Православия. Да, пронеслись над главой Матери-Церкви буйные вихри, много несчастий обрушилось на Нее, немало Ее верных сынов и дочерей получили венцы мученические, грязная клевета и гнусные оскорбления пытались зачернить Ее чистые, непорочные ризы, но не угас Ее светоч, не оскудела вера, не иссякла благодатная сила.

И когда позднее Святейший Патриарх фотографировался с братией обители, думалось о том же.

В безлюдной, просторно-гулкой трапезной Сергиевского храма ближе к Иоасафовскому приделу расставили стулья, скамьи. Сел Святейший Патриарх, возле него и за ним разместились братия, там, где сегодня ночью молились и плакали на покаянии люди. Стояли добрые люди, старые и молодые. С волнением, любовью и тревогой смотрелось на них. Стояли будущие архиереи, игумены вновь открывающихся монастырей, богословы, проповедники, старцы и — как знать — может, и будущие исповедники и мученики.¹⁸ Стояли обычные живые люди; которые болеют, страдают, которые могут изнемогать от голода, холода, лишений и болезней. Но вера их крепка как камень.

Праздник не кончался, пока Патриарх был с народом. Однако пришло время и проситься. В окружении духовенства и народа Патриарх шествует к своим покоям. Поется тропарь Троице и Преподобному. Все слегка взволнованы, как это и бывает обычно при расставании.

Русскому человеку нужно кого-то любить, он не может замкнуться в себе, в своем узком мире, не способен жить только своими эгоистическими интересами. И в наши дни, когда все православные молятся по утрам за Отечество, за своих духовных отцов, за своих мужей и жен, родителей и детей, братьев и сестер, за друзей и знакомых, есть один человек, за которого молятся все — это Святейший Патриарх. А он — один — молится за всех нас.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЛАВРА И РОССИЯ

Радуйся, вся Россия увеселение.

Акафист, Икос 7.

Мир духовный живет по иным законам, чем мир житейский, материальный. Господь благословляет учеников, они начинают делить хлеб среди сидящих на траве людей, и хлеб не убывает, не кончается, а напротив, чем ближе ученики дробят его, тем его становится больше.

Так и Троице-Сергиева лавра. Немного лет про-

шло, когда образовалась она, воздвигся этот Дом Живоначальной Троицы, как уже начали отделяться, отстраиваться от него Дома малые. По благословению преподобного Сергия учеником его Стефаном неподалеку от обители основывается Троицкий Машицкий монастырь (1358), затем создаются Спасо-Андроников (1360), Борисоглебский Ростовский

(1360), Николо-Пешношский (1361) монастыри. Преподобный Сергей выбирает место для Симонова монастыря и в год его основания сам закладывает Благовещенский Киржачский монастырь (1370) и трудится на его строительстве.

Преподобный Сергей основал тридцать семь монастырей, которые составили своеобразную «школу». Из Сергиевой обители по всей русской земле идет духовный благодатный свет, и подобно Евангельским хлебам, он не иссякает, а ширится все свободней. «Если с XII по XIV век на Руси было около 90 монастырей, то в следующее столетие (с 1340 по 1440) их было основано 150».

Энергия благодатной силы, исшедшая из лавры, достигнув назначенных ей Божественным Промыслом пределов, стала возвращаться к своему источнику, и последние монастыри, порожденные ею, возникли как раз вблизи лавры — Вифания (1783), Гефсиманский скит (1844),²⁰ Боголюбовская киновия (1859), Парклит (1861). Быть может, сейчас мы живем в период следующего большого расширения этой благодатной силы.

Имя преподобного Сергея неотделимо от истории русской святости. Введение общежительного устава в монастырях, возрождение пустыничества, укоренение на русской почве навыков умного делания (непрерывного творения молитвы Иисусовой) — главные духовные заслуги преподобного. Как птицы, явившиеся ему в чудном видении, умножились его ученики и последователи. Соммы подвижников, вдохновленные его примером, вставали на спасительный путь иноческой жизни.

Преподобный Серафим Саровский с детства посещал храм св. Сергея, который построил на свои средства его отец. Погребли Саровского старца с образом Сергея, присланным из лавры. Святой Амвросий Оптинский перед уходом в монастырь совершил паломничество в Лавру. Одним из первых иноческих послушаний святителя Игнатия (Брянчанинова) было игуменство в Троице-Сергиевской пустыни под Петербургом, и погребен он в церкви прп. Сергея. 5 ноября 1917 года митрополит Тихон был избран на Поместном Соборе патриархом, а уже через день он выехал в лавру — почерпнуть у раки преподобного сил для предстоящего подвига исповедничества. Наконец, святой блаженный князь Дмитрий Донской был причислен к лику святых на Поместном соборе, заседания которого проходили в Сергиевском храме лавры.²¹ Все эти неслучайности, или, как сказал наш народный гений А. Пушкин — сближения, указывают на постоянное присутствие преподобного Сергея в жизни народа, говорят о его незримом духовном влиянии, свидетельствуют о том, что живительная благодатная сила, излучавшаяся им при жизни, пропитывала собой русскую церковную, народную жизнь. Тонкими, теплыми струйками протачивает эта сила и льдину нашей современной, тяготеющей на нас жизни. Совершилось возвращение лавре Гефсиманского скита, в летописи которого как звезды сияют имена митрополита Филарета и старца Варнавы. Сергиев Посад сызнова обрел свое древнее, заслуженное имя. В микрорайоне г. Москвы Теплый Стан (какое название!) освещена в наши дни часовня во имя преподобного Сергея.

Велико значение лавры не только в истории Православной Церкви, но и в государственной жизни страны. «Преподобный Сергей поднял упавший дух русского народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее».²² Оби-

тель святого Сергея почти с самого своего зарождения становится оплотом национального самосознания, знаменем высоты и непоколебимости русского духа. Ни один из монастырей не оказал Родине столько услуг, сколько оказала ей Троице-Сергиева лавра. Возвышение Москвы, установление единодержавной власти, прекращение смут произошло при большом участии лавры. Начиная с XIV века, все славные страницы русской истории освящены и благословлены лаврой, ибо русские цари ни одного важного государственного или семейного дела не начинали, не побывав предварительно в святой обители.

Ученики преподобного, основывая монастыри, продвигались на север, следом за ними селились крестьяне, у монастырей вырастали посады, города. Происходило мирное освоение края. Русские монахи шли в неизведанные края с крестом и молитвой, а не с алебардой и мушкетом, как конкистадоры. «Бесчисленные поколения русских святых, бывших его (прп. Сергея... Авт.) духовными детьми, внуками... разносили с собой русское просвещение, русскую культуру, русскую хозяйственность, русскую государственность, а точнее сказать — русскую идею».²³ Можно с уверенностью утверждать, что «своим государственным, национальным единством Россия обязана на столько мечу, сколько звону церковных колоколов».²⁴

Избранный воевода и чудотворец предивный неоднократно являл свое заступничество за сродников и державу Российскую. Явившись преподобному Никону, он предупредил его о нашествии безбожного хана Едигея и повелел укрыться инокам в лесу. Молитвы преподобного перед Божией Матерью спасли Москву от набегов ханов-крымчаков. Известна его крепкая помощь в доблестном отражении польской осады. По примеру лавры, защищая православную веру и родную землю от врага, иноки в монастырях брались за оружие. В Смутное время выдержал осаду и дал достойный отпор интервентам основанный учеником Сергея Кириллом Успенский монастырь в Белозерье. Питомец Кирилловского монастыря прп. Савватий проложил иноческую духовную тропу на Соловецкие острова, где вскоре создавался Преображенский монастырь. Когда в Крымскую войну под стены монастыря незвано пожаловали два английских фрегата, монахи не только отвергли предложение сдаться, но под руководством архимандрита Александра открыли меткий орудейный огонь и повредили вражеский корабль.²⁵

Так через века проходит завет духовного, ратного, патриотического служения Отечеству, начало которого заложено в лавре.

Духовная жизнь всегда находится в развитии. Наиболее заметно это развитие в области литургического творчества. Господь прославляет Своих угодников, открывает людям Свою Премудрость — таково происхождение малых и больших церковных праздников, для которых пишутся службы. Лавра не только сберегла древнее наследие, «сохраняя в чистоте и неприкосновенности внутренний дух и полноту содержания всех богослужений»,²⁶ но и сделала свой весомый вклад в литургическую сокровищницу Православной Церкви. Главным достижением литургического творчества лавры признается установление праздника Троицы — его догматическое обоснование, гимнографическое воплощение и распространение по русской земле. Впервые появившись как местный праздник Троицкого храма, здесь он развивается во всей полноте, ста-

которые не смогли приехать к своим духовным отцам. Везут святую воду из накладезной часовни и креста, березки с Троицкой службы, нателные крестики, везут впечатления от пения хоров, колокольного звона, от лицезрения Святейшего Патриарха.

Лавра — это живой образ единения, о котором тоскует и мечтает Русская земля, раздираемая склоками и убоицами. Здесь у раки преподобного

Сергия, под сводами ее соборов и церквей, в молитве, объединяющей всех и вся, становится ясно и очевидно, что все мы — одна семья, один у нас заступник и покровитель: Игумен земли Русской, преподобный Сергий. И без послушания Игумену, без обращения к его живоносным мощам, без покаяния у Распятия Господня в Доме Живоначальной Троицы мы тщетно будем ожидать чего-то лучшего в жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВЕЧНЫЙ КРУГ

Небесного круга верхотворче Господи, и Церкви зиждителю, Ты мене утверди в любви Твоей...

Канон Богородице, Песнь 3

Давно завершилась обедня. Солнце перешло на западную сторону, и тени от церкви Зосимы и Савватия легли на монастырский двор. Неподалеку от Успенского собора за оградой расселись на траве старушки, разложили провизию, закусывают. Тут же сидит девочка.

На колокольне послышался одиночный, всколыхнувший воздух удар. Еще один. И опять пошел мерный, поднимающий всех с травы, с лавок, выводящий монахов из келий звон. Да, это опять благовест. Замкнулся суточный круг, и за ним следует другой. Завтра Духов день, а там недалече обретение мощей преподобного (летний Сергий — говорят в народе), глядишь, уже и Успение Богородицы наступило, и вывется, устилает землю золотистый, осенний лист. Отпраздновали преставление преподобного, а там уже и морозы трещат, и певичие в соборе воспевают: «Рождество Твое, Христе Боже наш...», грянет Великий Пост, вот уже весь мир озаряет Светлое Воскресение, а тут близко и Троица, и снова паломники заполняют лавру, и так замыкается годовой круг, и наслаиваясь, примыкая друг к другу входят годовые кольца в круг великого индиктиона...

Сегодня в Успенском соборе не так много людей, и, присмотревшись, видишь, что нет ни женщины, истово певшей покаянный канон, ни забавного озорника-мальчугана. Они уехали. Они уже далеко отсюда. Поклонись иконе праздника на аналое, облобызаешь ее, поставишь свечу за себя и за всех, кто послал с тобой свои поклоны и кому везешь ответное благословение.

На амвон выходит протоиерей с высокой, толстой свечой в руке.

— Восстаните, — призывает он, а в алтаре слышится:

— Благословен Бог наш, всегда ныне и присно и во веки веков.

Служба движется своим уставным порядком, завершается, над лаврой высыплют звезды, и снова через безлюдный лавринский двор проходит бодрствующий монах...

Н. В. Гоголь говорил: чтобы полюбить Россию, нужно проехать по ней. Но Россия велика и не достанет всей жизни, чтобы объехать ее не торопливым верхоглядом-туристом, а истинным наблюдателем, чтобы взглянуть в лица ее городов, узнать ее людей, таких разных и таких русских на ее просторах. Довольно приехать в лавру, в ней есть все, что есть в России. Не побывав здесь, не понять, не полюбить по-настоящему Россию. Нужно приехать в лавру, приехать со смиренной, покорной душой, оставив за Святыми вратами лукавство, гордость, тщеславие, накипевшие запознанные думы, приехать, будучи готовым прощать и смиряться, а не возноситься и требовать. Только тогда откроется тебе дивный смысл песни соловья на затерянной могиле у Сергиевского храма, пробегающий на ранней обедне поток света через главный барабан Успенского собора, поймешь тогда сокровенную тишину и молчание Троицкого собора, даже когда он полон народа, многое поймешь, оценишь и увидишь по-другому.

СНОСКИ

¹ Н. А. Некрасов. Тишина. Собр. соч. в 4 тт., М., 1979, т. 1, с. 260.

² И. С. Аксаков. Всенощная в деревне. ЖМП, № 12, 1989 г.

³ Житие преподобного Сергия... с. 70 — 71. Уместно заметить, что патриаршество — это тоже монашеское послушание, а не должность.

⁴ Путевые записки о Троицкой лавре. М., 1840, с. 10.

⁵ Такое же послушание в тюрьме Сергиева Посада исполнил в 1890-е годы иеромонах Трифон (Туркестанов), будущий митрополит. См. ЖМП, № 9, 1984 г., с. 17.

⁶ Житие преподобного Сергия... с. 39.

⁷ Высокопреосвященный архиепископ Сергий, некролог, ЖМП, № 10, 1982 г., с. 22 — 25.

⁸ В. О. Ключевский. Благодатный воспитатель... с. V.

- ⁹ Нане приходское кладбище древнее. Все умершие от моровой язвы в 1655 году погребены на нем в братских могилах.
- ¹⁰ Живописное изображение... с. 25.
- ¹¹ Памятники литературы Древней Руси, М., 1987, с. 202.
- ¹² К. К. Случевский. В чудесный день... Стихотворения. М., 1983, с. 168.
- ¹³ Покамест это делается в одной лавре, но и все возрождающиеся ныне обители, вне сомнения, займутся такой работой.
- ¹⁴ Назовем здесь имя о. протоиерея Т. Пелиха.
- ¹⁵ У иконописца С. Ушакова на иконе «Древо государства Российского» это древо вырастает из храма.
- ¹⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 27, СПб, 1899, с. 310, 315.
- ¹⁷ Житие преподобного Сергия... с. 197, 198.
- ¹⁸ Иеромонах Мефодий, погибший 29.6.1987 г. в Иерусалиме, был насельником лавры.
- ¹⁹ Л. А. Успенский. Богословие иконы Православной Церкви, Париж, 1989, с. 232.
- ²⁰ Потребность любви настолько сильна в русском человеке, что он отдается этой любви целиком. Полюбив всей душой Господа, он пожелал и землю свою сделать Святой Землей. Отсюда Вифания и Гефсимания русской земли, откуда Новый Иерусалим Св. Патриарха Никона, Голгофский скит в Соловках, село Эдемское во Владимирской области.
- ²¹ На этом же соборе был прославлен и святитель Игнатий, потомок боярина Миханла Бренко, оруженосца великого князя, павшего на Куликовом поле. Так в мире духовном соединились великий князь и святитель, в жизни временной разделенные расстоянием в 500 лет.
- ²² В. О. Ключевский. Благодатный воспитатель... с. СХХI.
- ²³ Священник П. Флоренский, Троице-Сергиева лавра в России, ЖМП, № 3, 1988, с. 64.
- ²⁴ В. Лебедев. Великого Владимира восхвалим. ЖМП. № 6, 1988, с. 20.
- ²⁵ Англичане обрушили на монастырь 1800 снарядов и бомб, но по молитвам соловецких угодников в обители никто не был ни убит, ни ранен. Московский церковный вестник, № 11, 1989, с. 5.
- ²⁶ Архимандрит Матфей. Литургические традиции Троице-Сергиевой лавры. Богословские труды, т. 29, М., 1989, с. 200.
- ²⁷ Свящ. П. Флоренский, указ. соч., ЖМП, № 3, с. 63.
- ²⁸ Архимандрит Аристарх. Троице-Сергиева лавра и русская культура. Богословские труды, т. 29, М., 1989, с. 203.
- ²⁹ Архимандрит Аристарх, указ. соч., с. 203.
- ³⁰ Свящ. П. Флоренский, указ. соч., ЖМП, № 3, 1988, с. 65.